

UNITED WISDOM

Верность: что именно люди обещают друг другу

Отношения и близость

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

R09 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Верность: что именно люди обещают друг другу

Эпиграф

«Обдуманное намерение».

Гроций, «О праве войны и мира», II.XI.IV, заключительная часть, печатная страница135; короткий фрагмент A. C. Campbell, русский перевод редакции. Источник. В контексте рассматриваются признаки принятого обязательства; фрагмент не устанавливает современное право.

О чём эта статья

Представим условную сцену: двое давно живут вместе. Один собирается провести выходные с друзьями, среди которых есть человек, с которым прежде была романтическая история. Второй говорит: «Мы ведь обещали быть верными». Первый отвечает: «Я ничего не скрываю и не собираюсь менять наши отношения». Оба могут произносить слово верность искренне, но иметь в виду разные вещи: отсутствие сексуальных связей, определённый круг встреч, открытость значимых сведений, приоритет совместных планов или постоянную внутреннюю обращённость друг к другу.

Пока значения не названы, спор выглядит борьбой верного человека с неверным. Однако прежде оценки поступка стоит понять, какое обещание существовало, кто его дал и как другой его понял. Эта статья рассматривает явные и подразумеваемые договорённости, свободу внутри принятого обязательства и честное изменение условий. Она не устанавливает одну модель пары для всех. Классические источники здесь задают ограниченные философские и религиозные вопросы; сегодняшние решения принадлежат людям, которые будут жить с их последствиями.

I. Слово верность ещё не описывает обещание

Есть слова, которые выглядят готовыми соглашениями, потому что вызывают сильное чувство узнавания. Верность относится к ним. Но знакомое слово может обозначать неодинаковые действия. Для одного важнее сексуальная исключительность; для другого — отсутствие скрытого эмоционального союза; третий прежде всего слышит обещание не исчезнуть в трудный период. Иногда эти смыслы связаны. Иногда различие обнаруживается только после события, которое один считает обычным, а другой — нарушением основания совместной жизни.

В условной сцене полезно спросить, какие слова были сказаны раньше. Был ли разговор о встречах с прежними партнёрами? Было ли обещание заранее обсуждать поездки? Или оба согласились только с общим названием отношений? Ответ не нужно подгонять под желаемый исход. «Мы этого не обсуждали» и «мы ясно договорились, но сейчас один хочет иначе» — разные описания. Отсутствие подробного разговора не доказывает отсутствие ожидания; наличие ожидания ещё не доказывает, что другой принял его целиком.

Можно начать с собственного понимания: «Когда мы говорили о верности, я считал, что такие поездки исключены». В этой фразе есть переживание и представление о прежнем разговоре. Затем другому остаётся возможность восстановить свой смысл. Это не обязанность согласиться с первой версией. Если воспоминания расходятся, пока установлен именно этот факт. Разговор может потребовать времени, прежних сообщений или признания того, что доступных сведений недостаточно для уверенного общего рассказа.

Уточнение не должно стать способом обнулить очевидное обещание через бесконечные исключения. Если человек ясно принял конкретное ограничение, позднее заявление «мы не определили каждое возможное событие» не отменяет известной части. Одновременно подробности нельзя достроить задним числом только потому, что нынешнее событие причиняет боль. Нужны две честности: помнить действительно принятые условия и признавать то, что осталось неясным. Ни одна из них не возникает автоматически из силы убеждения.

II. Чувство, намерение и действие находятся в разных пределах

Обещание может касаться того, что человек намерен делать, но не всякое внутреннее состояние находится в таком же распоряжении. «Я не буду вступать в определённые отношения» описывает действие. «Я никогда никем не заинтересуюсь» обещает отсутствие будущего переживания. Искренность второго намерения сегодня не устанавливает возможность управлять каждым завтрашним впечатлением. Поэтому разговор о верности требует различать возникшее чувство, обращение с ним и поступок по отношению к другому человеку.

В «О праве войны и мира», II.XI.II–IV Гроций различает сообщение намерения и более определённое обязательство. Это исторический трактат о естественном праве, а не действующий семейный закон. Для нашей темы используется только вопрос о том, что именно было выражено; историческая логика распоряжения свободой не служит правом владеть партнёром.

Условный пример: человек замечает привлекательность знакомого и решает не развивать личное общение, потому что принял определённое обязательство. Само возникшее впечатление не равно уже совершённому действию. Другой может считать важной и внутреннюю направленность; это вопрос его ценностей и принятой модели отношений. Но утверждение о чужом переживании требует знания, а не чтения мысли по улыбке. Даже сообщённое чувство и его дальнейшая судьба остаются разными сведениями.

Из этого не следует, что любое действие можно оправдать неподконтрольным чувством. «Так получилось, потому что я увлёкся» описывает часть истории, но не отвечает на вопрос о принятом обещании. Можно честно сказать, что прежнее устройство стало трудным, и обсудить будущее. Нельзя одной только трудностью объявить прошлое нарушение согласованным. Чувство не требует наказания за своё появление; действие требует собственного описания, включая решение, известные условия и последствия для другого.

Есть и обещания, которые зависят от действий нескольких людей. «Мы всегда будем вместе проводить праздники» невозможно исполнить в одиночку, если второй выбирает другое. Поэтому стоит назвать собственную часть: предложить время, заранее обсудить план, отказаться от другого приглашения после согласования. Общий результат предполагает встречное участие. Такое уточнение не делает обещание слабым; оно показывает, что каждый действительно может взять на себя. Если совместный план не состоялся, затем можно рассмотреть обе части, а не объявлять одного виновным только потому, что ожидаемое событие не произошло. Надёжность слова проверяется в его реальном объёме, а не в объёме надежды.

III. Подразумеваемое не всегда выдумано

В отношениях невозможно заранее обсудить каждую мелочь. Люди опираются на привычку, повторяющиеся решения, известные ценности и обычный смысл слов в своей среде. Подразумеваемая договорённость может иметь реальную историю. Например, оба много раз согласовывали ночные поездки и называли это частью общего устройства. Но привычка одного человека или обычай его семьи не обязательно стал общим условием. Нужно увидеть, как ожидание проявлялось между участниками, а не только откуда оно пришло.

Условный пример: один всегда сообщает, что задержится, потому что считает это заботой. Другой благодарит, но не понимает такое сообщение как взаимное обязательство. Через месяц возникает обвинение в нарушении верности. Здесь есть основания говорить об удобстве планирования, внимании и ожидании ответа. Однако требуется отдельный разговор, действительно ли обе стороны принимали одинаковое

правило. Добровольное действие не создаёт автоматически встречное обещание того же объёма.

Проверять подразумеваемое можно по доступным признакам: что уже обсуждали, как принимали похожие решения, называл ли кто-то правило обязательным и как другой ответил. Это не судебная процедура и не разрешение искать в личной переписке без согласия. Иногда достаточно признать: раньше оба действовали сходно, но смысл совпадения не уточняли. Тогда новый разговор устанавливает будущие условия, а не обязательно доказывает вину за прежний неизвестный смысл.

Также стоит различать недосказанность и намеренное поддержание удобной неясности. Человек мог знать, что другой понимает обещание иначе, и избегать уточнения, чтобы сохранить преимущества двух версий. Статья не предлагает устанавливать такой мотив по молчанию. Его можно обсуждать, если есть факты или собственное признание. В любом случае будущая договорённость нуждается в доступном обоим значении; продолжение тумана только потому, что он временно удобен одному, не делает понимание общим.

IV. Согласие с моделью не отменяет голоса человека

Люди могут выбирать разные формы совместной жизни, но название формы не отвечает за качество каждого решения. Внутри любой модели можно ясно договориться или оставить смысл неизвестным. Можно уважать отказ или добиваться согласия через угрозу. Поэтому статья не распределяет пары на зрелые и незрелые по единственному признаку. Нас интересуют конкретные условия: что принято, с какой возможностью сказать нет и как участники обращаются с изменением своего решения.

Если один хочет исключительности, а другой не готов её обещать, различие не обязательно устраняется красивой формулировкой. Нельзя убедить первого, что его желание непременно означает отсталость, а второго — что отказ непременно означает отсутствие способности любить. Оба могут назвать важную для себя форму. При этом право хотеть не создаёт обязанности другого предоставить её. Совместимость ещё предстоит установить; признание равного достоинства не гарантирует совпадения желаний.

В «Лунь юй», I.13 Ю-цзы связывает исполнение слова с правильностью принятого соглашения. Это конфуцианское нравственное наставление в иерархическом мире, не современный принцип согласия пары. Узкое сопоставление касается качества самого обещания: требование надёжности не избавляет от вопроса, что было обещано. Все общественные роли этого текста не превращаются в правила нашей условной сцены.

Если совместный разговор предполагает наказание за отказ, он не подходит для предложенной здесь практики. Можно прекратить упражнение; статья не является инструкцией действий при угрозе. Даже там, где обсуждение свободно, не нужно обещать то, чего не собираешься выполнять, только чтобы закончить неприятный вечер. Временное успокоение другого и настоящее согласие различаются. Честное отсутствие согласия может оказаться трудным результатом, но оно даёт более точное основание для следующего решения.

V. Верность не требует одинаковой жизни

Свобода внутри обязательства не означает, что обещание исчезает, как только возникло другое желание. Она означает, что человек сохраняет собственный голос, суждение и области жизни, которые не были отданы общему решению. Если двое приняли сексуальную исключительность, это само по себе не устанавливает одинаковые взгляды на искусство, дружбу, работу или веру. Объём конкретного обещания нельзя незаметно расширить до права согласовывать любую мысль и каждую встречу.

Условный пример: один начинает заниматься новым видом спорта и проводит вечер с группой. Второй чувствует одиночество и просит больше совместного времени. Этот вопрос может быть вполне реальным. Однако его стоит обсуждать как распределение времени, если иных принятых условий нет. Слово неверность добавляет обвинение, содержание которого ещё требуется установить. Иначе любое самостоятельное занятие оказывается нарушением, а обещание близости превращается в запрет иметь собственную жизнь.

При этом самостоятельность не освобождает от всех последствий общего решения. Если вечер был заранее обещан для важной встречи, новое увлечение не делает старое обещание несуществующим. Можно предложить изменение, объяснить причину и услышать ответ. Другой вправе не согласиться. Свобода здесь проявляется в возможности назвать своё намерение и принимать ответственность за выбор, а не в гарантии, что любое новое желание будет одобрено и не изменит отношение между людьми.

Полезно описывать области отдельно: что мы решаем вместе; о чём сообщаем, потому что это влияет на общий план; что каждый выбирает самостоятельно. Такая карта не обязана быть одинаковой у разных пар. Её можно пересматривать. Важно, чтобы различие областей не существовало только в голове одного участника. Оно помогает поставить точный вопрос: новое событие изменяет конкретное обязательство или просто показывает, что другой человек не является нашим продолжением.

Иногда договорённость о свободной области нуждается в уточнении именно потому, что её последствия затрагивают другого. Например, выбор работы остаётся самостоятельным, но новый график меняет согласованные вечера и общие расходы. Это повод обсуждать пересечение, а не забрать всё решение под совместный контроль. Можно признать самостоятельность выбора и одновременно назвать, что прежняя бытовая договорённость теперь невыполнима. Тогда требуется новый ответ о времени и ресурсах. Разделение областей не создаёт непроницаемых стен: оно помогает понять, о какой части решения другой действительно просит разговора. Если просьба расширяется, её новый объём стоит назвать, а не считать уже принятым.

VI. Религиозное обещание имеет собственное основание

Для некоторых людей верность связана с религиозным обетом, и её смысл не исчерпывается удобством совместной жизни. Это основание нельзя свести к индивидуальному контракту без потери содержания. Однако разные традиции и отдельные общины не обязательно понимают обет одинаково. Статья не устанавливает богословскую норму для всех читателей и не предполагает, что участники пары разделяют одну веру только потому, что когда-то произнесли одинаковое слово.

В Евангелии от Матфея, 5:33–37 наставление Иисуса соединяет речь о клятвах с требованием прямоты собственного ответа. Это христианское религиозное учение в контексте Нагорной проповеди. Здесь оно сопоставляется с вопросом о ясности слова, без вывода универсального семейного законодательства. Соседние заповеди не используются как скрытые обязательные условия для читателя.

Если один считает обещание священным, а другой прежде слышал только светскую договорённость, различие требуется назвать. Оно может быть существенным для совместного будущего. Нельзя заранее объявить одну версию более искренней. Также нельзя получить согласие другого, представляя собственную веру как уже установленный общий факт. Можно объяснить, что значит обет для себя, и спросить, готов ли другой принять именно этот смысл. Ответ остаётся свободным, даже если он болезнен.

Философская надёжность слова, конфуцианская правильность соглашения и христианское наставление о клятве пересекаются в теме речи, но имеют разные основания. Это различие полезнее сохранить, чем сделать из них единую цитату о любой паре. Читатель может принять источник как руководство для себя или только как собеседника. Нравственное уважение к обещанию не даёт ему полномочия говорить за другого и не подтверждает автоматически любой способ принуждения к исполнению.

VII. Изменение условий не происходит задним числом

Люди меняются, узнают новое и иногда больше не могут поддерживать прежнюю форму отношений. Этот факт не делает первоначальное обещание обязательно ложным. Оно могло быть искренним в момент принятия. Но настоящее изменение требует обозначения. Если человек молча начинает действовать по новым условиям, другой продолжает принимать решения по старым. Проблема возникает не только в желании изменить жизнь, а в неравном доступе к тому, на основании чего эта жизнь теперь устроена.

В «Никомаховой этике», IX.3 Аристотель спрашивает, что происходит с дружбой, когда участники меняются. Его ответ зависит от древнего идеала добродетели; он не является готовым советом расстаться или сохранять любую связь. Сопоставление ограничено тем, что прошлое отношение и нынешнее изменение нужно рассматривать вместе, а не стирать одно ради другого.

Условный пример: один больше не готов к согласованной исключительности. Он может сказать об этом до начала нового взаимодействия и предложить обсудить дальнейшее устройство. Другой может отказаться от нового формата. Тогда нет общей обновлённой договорённости, хотя предложение высказано честно. Сама возможность изменения не означает обязанность принять его. Возможно, продолжение прежней формы недоступно, а новая не подходит; статья не обещает найти третье решение, которое сохранит всё желаемое.

Пересмотр не переписывает уже совершённое действие. Если условие было нарушено, последующее согласие на другое будущее не делает прошлое автоматически согласованным. Можно обсуждать факт, последствия, ответственность и возможность дальнейшей жизни отдельно. Также не нужно использовать прошлое обещание как доказательство пожизненного владения человеком. Честное изменение требует ясности и уважения к последствиям; оно не даёт права исчезнуть из разговора о них или требовать, чтобы другой перестал переживать по расписанию.

VIII. Проверка факта и постоянная проверка человека

Когда кажется, что обещание нарушено, полезно установить предмет вопроса. Что произошло? Какое условие было принято? Какие сведения доступны непосредственно, какие услышаны, а какие предполагаются? Здесь не предлагается следственная техника. Речь о качестве собственного утверждения. Чувство тревоги или ревности может быть настоящим, но оно не является описанием события. Одновременно отсутствие немедленного доказательства не обязывает человека считать нынешнее устройство подходящим для себя.

Условный пример: поездка из первой сцены стала известна только после возвращения. Один считает это сокрытием. Другой говорит, что правило предварительного сообщения не обсуждали. Можно восстановить обстоятельства: спрашивал ли первый прямо, был ли дан ложный ответ, имелась ли прежняя договорённость. Вопрос о конкретном сообщении доступнее, чем приговор «тебе вообще нельзя доверять». Но даже после уточнения факта может остаться спор о том, какого устройства отношений хотят теперь.

Требование проверять каждый шаг не следует автоматически из желания восстановить надёжность. Даже если оба временно согласились делиться дополнительными сведениями, стоит назвать объём, период и возможность пересмотра. Это редакционный вопрос об устройстве, не исследованный способ восстановления доверия. Нельзя обещать, что большее количество отчётов создаст нужное внутреннее отношение. И нельзя объявить любой отказ от новой проверки доказательством прежнего нарушения: это два разных предмета разговора.

Участник может решить, что без определённой открытости продолжение для него неприемлемо. Другой может не принять такие условия. Тогда задача состоит в признании несовпадения, а не в поиске формулы, которая разрешит контролировать человека против его воли. Здесь слово право используется в этическом смысле, а не как юридическое заключение. При угрозах и невозможности безопасного отказа совместное упражнение прекращается; за пределами статьи остаются конкретные способы помощи и защиты.

IX. После нарушения обещание и прощение различаются

Если конкретное нарушение установлено, его признание не равно немедленному восстановлению прежних отношений. Можно правдиво рассказать о поступке, принять изменение договорённости и ещё не знать, возможно ли снова жить вместе. Другой может простить в собственном нравственном понимании и не захотеть продолжения. Можно также решить продолжать, не считая боль исчезнувшей. Эти различия не образуют лестницу правильных реакций, которую нужно пройти в заданном порядке.

Условный пример: человек признаёт, что дал ложный ответ о встрече. Участники обсуждают, как это повлияло на общий план и понимание обещания. Возможное новое действие — заранее сообщать о подобных встречах — отвечает на конкретную организацию. Оно не гарантирует возвращения доверия. Извинение сообщает отношение к прошлому, а выполненное новое условие даёт сведения о настоящем поведении. Ни одно не нужно выдавать за полное доказательство внутренней перемены.

Ответственность не обязана принимать форму бесконечного самообвинения. Однако ограничение разговора «я уже извинился, поэтому вопрос закрыт» не устанавливает

согласия другого. Можно договориться, как возвращаться к теме, чтобы она не захватывала каждый день. Если такой договорённости нет, нужно назвать и это. Статья не предписывает сохранять связь любой ценой; обсуждение последствий может завершиться решением не продолжать прежнюю форму отношений, даже при признанном намерении исправить ситуацию.

Также нельзя сделать прощение обязательной платой за признание. Человек, честно рассказавший о нарушении, не получает право на желаемый ответ. Честность важна сама по себе, но её цена не устанавливается как обязанность другого вновь приблизиться. Возможная дальнейшая верность состоит в понятных действиях и сохранении прямоты, а не в требовании, чтобы прошлое больше не существовало. Решение другого может оказаться иным, чем хотелось, и всё же оставаться его решением.

X. Возвращение к выходным с друзьями

Вернёмся к условной поездке. Первый доступный результат — не определить победителя, а понять, какие обещания действительно совпадали. Возможно, выяснится, что поездки такого рода заранее исключались. Тогда речь о желании изменить известное условие. Возможно, принималась только сексуальная исключительность, а встречи не обсуждались. Тогда появился новый существенный вопрос. Возможно, оба помнят разговор иначе. Каждая версия требует собственного ответа; одной обвинительной фразы для всех случаев недостаточно.

Следующий шаг — назвать нынешние желания. Один хочет поездки, другой считает её несовместимой с подходящей для него формой отношений. Можно обсудить иной состав поездки, другой срок или разные планы. Но любой вариант требует согласия, если он представлен как новая общая договорённость. Компромисс не обязателен и не всегда доступен. Спокойный разговор может завершиться ясным расхождением; это не провал точности только потому, что совпадение не возникло.

Если договорённость найдена, стоит проверить её содержание обычными словами. Что каждый берёт на себя? О чём нужно сообщить? Что осталось личным выбором? Когда условия снова обсудят, если обстоятельства изменятся? Эти вопросы не делают отношения учреждением, если используются соразмерно. Они возвращают обещание в область действий, где можно увидеть исполнение, а не только торжественность слов. При этом внутреннее отношение остаётся более широким, чем перечень выполненных пунктов.

Верность может содержать свободу именно потому, что обещает живой человек. Он не перестаёт изменяться, думать и выбирать, но принятому слову придаёт значение.

Свобода другого тоже остаётся: услышать новый смысл, согласиться, отказаться или завершить участие. Поэтому точность обещания служит близости, когда не превращается в бесконечный контроль. Она позволяет отличить честное постоянство от удобного молчания и честное изменение от действия, о котором другой узнаёт слишком поздно.

Что это значит на практике

Если оба готовы к добровольному разговору, выберите одно условие, которое сейчас понимаете по-разному. Каждый отдельно опишет своё прежнее понимание и назовёт, на чём оно основано. Можно отметить точные слова, повторявшиеся действия или признать, что основания пока неясны. Это редакционное предложение для размышления, не терапевтическая техника и не способ доказать нарушение. Оно не подходит там, где нельзя свободно отказаться или остановиться.

Затем разделите три строки: что считаем уже согласованным; что раньше подразумевали неодинаково; что хотим предложить на будущее. Не заполняйте за другого его намерения. При несовпадении воспоминаний можно оставить строку открытой. Новое предложение формулируйте как действие или предел участия, а не как требование гарантировать отсутствие всякого будущего чувства. Оба вправе назвать невозможность обещать предложенное; это ещё не согласие на иной вариант.

Если новое условие принято, договоритесь о понятном периоде или событии для пересмотра. После него проверяйте, что произошло, а не делайте вывод о всей человеческой ценности по одному поступку. Если согласия нет, запишите именно отсутствие согласия и доступные вам решения. Практика не обещает примирения, восстановления доверия или сохранения пары. Её ограниченная задача — сделать предмет обещания доступным обоим и сохранить различие между переживанием, фактом, предложением и принятым словом.

Завершая запись, полезно проверить её языковую симметрию. Может ли каждый описать собственную часть условия теми же понятными словами, которыми описана часть другого? Симметрия здесь не означает одинаковое количество встреч или сообщений. Она касается доступа к смыслу: правило не должно менять значение в зависимости от того, чьё действие рассматривается. Например, если заранее сообщать о поездке предложено обоим, собственную поездку нельзя незаметно вынести из этого понятия. Возможные исключения можно согласовать отдельно. Если же участники хотят неодинаковые обязанности, различие следует назвать и проверить согласие с ним, вместо того чтобы прятать его под общим торжественным словом.

Ключевая цитата

«Добросовестность».

Гроций, «О праве войны и мира», II.XI.XVIII, заключительная часть, печатная страница142; короткий фрагмент A. C. Campbell, русский перевод редакции. Источник. Здесь сохранён только нравственный вопрос о собственном слове, не все исторические правила обязательств.

Связи между традициями

• Гроций, намерение и обязательство ↔ редакционный вопрос о конкретном обещании: историческая классификация помогает поставить вопрос, не устанавливает современное право пары.

• Ю-цзы, правильность соглашения ↔ Матфей, прямота ответа: внимание к слову пересекается, нравственные и религиозные основания различаются.

• Аристотель, изменение дружбы ↔ редакционный пересмотр будущего: прошлое и настоящее рассматриваются вместе, древний идеал добродетели не предписывает решение читателя.

• Матфей, наставление о клятвах ↔ Гроций, философия обязательств: сравнение сохраняет различие обета и исторического рассуждения о праве.

• Конфуцианское исполнение слова ↔ редакционное различение условия и контроля: надёжность не рассматривается как универсальная власть над человеком.

Первоисточники

1. Гуго Гроций, The Rights of War and Peace. A. C. Campbell; M. Walter Dunne, New York and London,1901; Gutenberg46564. Выбранные части II.XI.II–IV,VI–IX,XVIII–XXII; версия содержит пропуски глав, не полный латинский оригинал. Историческое естественное право, не действующее законодательство.

2. Лунь юй, I.13. James Legge, Gutenberg3330; прочитано изречение Ю-цзы и соседний контекст, не весь трактат. Печатный год копии не установлен; буквальных цитат нет.

3. Аристотель, Nicomachean Ethics, IX.3. W. D. Ross, Internet Classics Archive; выбранный раздел, не вся книга или греческий оригинал. Печатное издание не установлено; буквальных цитат нет.

4. Матфей, 5:33–37. Updated World English Bible,66-book protocanon; выбранные стихи и статус версии, не весь Новый Завет. Религиозное наставление, не эмпирическое исследование.

Теги

верность, обещание, слово, отношения, любовь, свобода, договорённость, согласие, исключительность, ожидания, намерение, действие, чувство, открытость, ответственность, пересмотр, изменение, обет, религия, прямота, доверие, ревность, контроль, самостоятельность, границы, прощение, Гроций, Аристотель, Ю-цзы, Матфей, конфуцианство, христианство

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.